

18 окт. — с. 8

— В прошлом году издательство «Хронос» приступило к выпуску вашего полного собрания сочинений. Согласно издательскому анонсу, в него войдут 27 томов художественных произведений и 15 — нехудожественных. Редкий отечественный писатель может похвастаться подобной работоспособностью, и все-таки как по-вашему — это много или мало?

— Много или мало я написал? Мне приходится слышать упреки в том, что я плодовит. Плодовит — но только на фоне наших ленивых литераторов, рыскающих где-то в околосредствительных дебрях. Для меня занятия литературой — такая же необходимость, как для актера потребность выходить каждый вечер на сцену, как для кинорежиссера потребность ежегодно выезжать в экспедицию, как для певца потребность разучивать новую песню. Творчество. — это работа. Мой современник и коллега в Штатах изготавливает в год шесть книг — но для этого он садится каждое утро за рабочий стол или к компьютеру и отсиживает свои восемь часов. К сожалению, я не могу сказать такого о себе, но, по крайней мере, месяца три в году я работаю в литературе. И у меня остается масса свободного времени. Раньше я тратил его на работу в институте — теперь, с возрастом, умственные возможности иссякли, однако в популяризации я еще могу трудиться. Наконец, у меня есть увлечение — фалеристика, то есть наука о наградах. По ней я тоже написал ряд трудов — это уже чистое удовольствие. Ведь что может быть приятнее работы?

Впрочем, я малость лицемерно. Часто работа становится ненавистной — особенно если устал, если не получается то, что хочешь сделать, если ты должен изготавливать ботинки не того фасона, к которому лежит душа.

— Вы имеете в виду пресловутый «социальный заказ»?

— У меня всегда была эта проблема — «социального заказа» и моих настроений. Пожалуй, из писателей-фантастов нашей страны я чемпион по ненапечатанным вещам. И не потому, что они плохие. А потому, что я хотел их написать, не мог не написать, а показать их было некому.

Сегодня я вытаскиваю из самых неожиданных углов повести и рассказы, написанные десятилетия назад. И чаще всего вижу: поезд ушел.

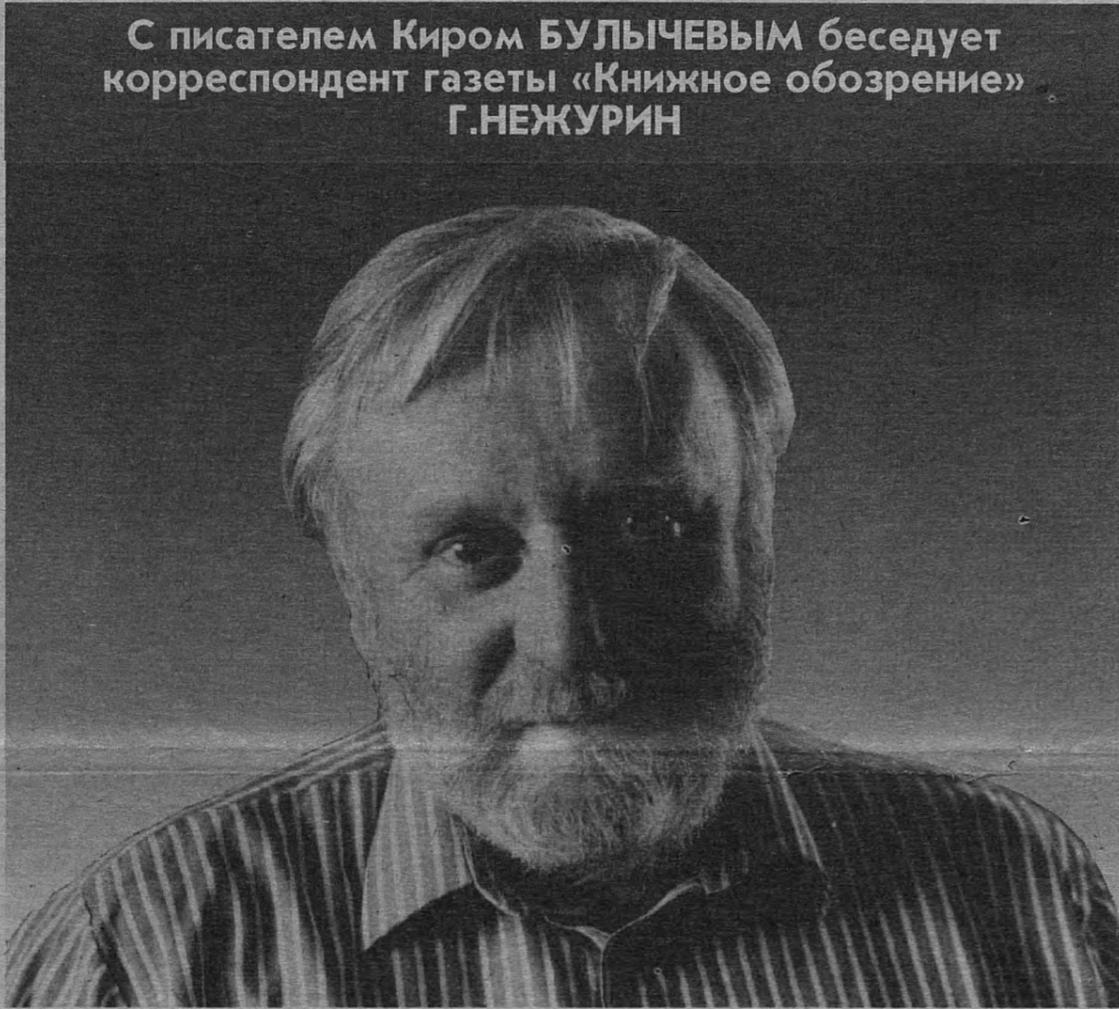
— Почему? Они устарели идеологически?

— Наверное, к сожалению для меня самого, я вырос законопослушным совком, который не принимал действительности, но знал, что другой ему никто не даст. Никогда. До самой смерти. И у него даже нет «пятого пункта» или родственников за рубежом, чтобы покинуть наш барак... Словом, не будучи борцом, я предпочел принимать правила игры (ходил на работу, защищал диссертации), но никогда не участвовал в идеологических играх — хоть и понимал, что за это меня не пустят туда, где дают икру и конфеты трюфеля. То есть я отказался (без борьбы, не считая себя достойным такой чести) от вступления в партию, из-за чего в течение трех месяцев был единственным в СССР беспартийным (и бородастым) дипломатом, я отказался от вступления в Союз писателей, потому что не разделял ни

Сегодня, 18 октября 1994 г., исполняется шестьдесят лет замечательному писателю, ученому, давнему другу и постоянному автору нашей газеты Игорю Всеволодовичу МОЖЕЙКО (Кире БУЛЫЧЕВУ). С удовольствием присоединяясь ко всем поздравлениям в адрес юбиляра, желая ему крепкого здоровья и творческого долголетия, мы посвящаем мэтру отечественной фантастики спецвыпуск «КЛФ «КО».

«ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРИЯТНЕЕ РАБОТЫ?»

С писателем Кириллом БУЛЫЧЕВЫМ беседует корреспондент газеты «Книжное обозрение» Г. НЕЖУРИН

его отношения к литературе, ни отношения к писателям. И писал — стараясь ничем не проявить своего единства с идеологией коммунизма (если не верить, родившихся еще в прошлом веке и силой случая получивших возможность пройти молодыми все трагедии и надежды века нашего. И, пройдя молодыми мимо нас, исчезнуть в будущем. Я представляю себе этот цикл как ряд романов (может быть, десять или двенадцать), связанных не столько общим сюжетом, как движением людей в истории и судьбой героев. Каждый роман должен быть сам по себе. Первый уже вышел — в «Московском рабочем». Он был издан громадным форматом (как «Роман-газета») для чтения на семейном столе под оранжевым абажуром, то есть не для чтения вообще. Кроме того, в конце по общему недосмотру было написано «Конец первого тома». Одни читатели стали ждать, когда выйдет второй, чтобы купить оба, другие прочли и рассердились на автора: где же, мол, второй том. А второго тома нет еще, он так и не написан. Во-первых, потому, что я не считал необходимым писать романы хронологически строго. Во-вторых, мне интереснее было написать роман, действие коего отделено от первого десятилетиями, — условно говоря, он мог бы стать четвертым или пятым томом. Но этот второй (четвертый) том залет на несколько лет в издательстве «Текст», которое сначала хотело выпустить все романы

написать? — Ну, желания у меня еще остались. Во-первых, мне хочется написать цикл романов «Река Хронос». О молодых людях, родившихся еще в прошлом веке и силой случая получивших возможность пройти молодыми все трагедии и надежды века нашего. И, пройдя молодыми мимо нас, исчезнуть в будущем. Я представляю себе этот цикл как ряд романов (может быть, десять или двенадцать), связанных не столько общим сюжетом, как движением людей в истории и судьбой героев. Каждый роман должен быть сам по себе. Первый уже вышел — в «Московском рабочем». Он был издан громадным форматом (как «Роман-газета») для чтения на семейном столе под оранжевым абажуром, то есть не для чтения вообще. Кроме того, в конце по общему недосмотру было написано «Конец первого тома». Одни читатели стали ждать, когда выйдет второй, чтобы купить оба, другие прочли и рассердились на автора: где же, мол, второй том. А второго тома нет еще, он так и не написан. Во-первых, потому, что я не считал необходимым писать романы хронологически строго. Во-вторых, мне интереснее было написать роман, действие коего отделено от первого десятилетиями, — условно говоря, он мог бы стать четвертым или пятым томом. Но этот второй (четвертый) том залет на несколько лет в издательстве «Текст», которое сначала хотело выпустить все романы

«Реки Хронос», а потом передумало, чем сильно меня разочаровало. И я пока что бросил писать тома и публикую отдельные повести, одновременно являющиеся как бы частями романов. Так были опубликованы «Младенец Фрей» и «Заповедник для академиков». Что будет с моим замыслом дальше, я не знаю. Я пишу сегодня хуже, чем писал десять лет назад. И труднее. А забот у меня больше.

— Все-таки будем надеяться, что ваш замысел осуществится... А как обстоят дела с некоей фантастиковедческой книжкой, о намерении создать которую вы в свое время упоминали?

— Тут мне придется вернуться к важной для меня теме — чего я хочу и что делаю. Помимо «Реки Хронос», я хотел написать и написал книгу, в которую вложил много времени и сил. И даже сделал, на мой взгляд, в ней некоторые успехи. Книга эта называется «Падчерица эпохи» и рассказывает об отечественной фантастике с 1917-го по 1941 год. Мне захотелось рассказать не только об этом периоде, который мы знаем лишь по верхушкам айсбергов, но и об удивительных отношениях фантастики как литературы с фантастическим обществом, с которым она пыталась взаимодействовать — вослевать фантастику и так далее. Фантастика в фантастическом кошмаре — такого в истории человечества еще не было. Мне кажется, что книга получилась интересной — я проиллюстрировал ее картинками

той поры, замечательные наши библиографы В. Бугров (к моему горю, недавно умерший) и И. Халымбаджа приложили к ней полную библиографию межвоенной советской фантастики — повторяю, книга получилась была взята минским издательством «Университетское», набрана, но... «Университетское» разорвалось и с извинениями отказалось от издания. Так я и остался с любимой книгой, которая постепенно распадается — то кот утащит страничку, то внук сделает из другой кораблик... Пожалуй, это одно из моих литературных несчастий последних лет.

Но не единственное. С сожалением вынужден признать: я не могу напечатать то, что хочу, хотя вроде бы это и дозволено. Помимо «Реки Хронос» и «Падчерицы эпохи», я написал еще одну книжку, которую делал с превеликим удовольствием. А именно — «Фантастический бестиарий». Бестиариями назывались в средневековье сборники сведений о зверях. В моем же бестиарии рассказано о животных и иных существах, придуманных людьми — от дикарей до современных фантастов. Художник К. Сошинская перелопатила массу иконографического материала, нарисовала сотни иллюстраций, а после этого книга погуляла по ряду издательств и вернулась домой. Вот и все. Никому она не нужна.

— Что же нужно?

— Нужны фантастические боевики. И вот на старости лет я изготавливаю книги, которые вовсе не хочу изготавливать. Круг как бы завершился. Я начинал, приходя в Детгиз, где мне говорили: «Пожалуйста, сделай еще одну оптимистическую книжку про девочку Алису. А потом как-нибудь мы тебе разрешим написать что-то для души». Я кончаю, приходя в «Армаду», где мне так же добродушно говорят: «Пожалуйста, сделай новую книжку про Алису или какой-нибудь боевик: нам так трудно издать что-нибудь еще».

Так что радоваться нечему. Но и винить, кроме самого себя, некого.

— Вы не очень радужно настроены...

— Боюсь, что так и не увижу книг, которые написал с любовью, так и останусь в памяти читателей как «тот самый оптимист семидесятых годов».

Недавно у меня возник антагонист — критик Арбитман из Саратова, который в одной газете рассказал человечеству, что я исписался и никуда не годен. Больше того, он выпустил под псевдонимом Кац историю советской фантастики — некий раек, где совмещены действительные события в нашей литературе с выдуманными. Мне было обидно читать этот труд, потому что всегда неприятно встречаться с человеческой злобой и шутками, в которых читателю предлагают посмеяться над тем, что я умер от инфаркта. Но, подумавши, я понял, что виноват я сам. Я дал основания Арбитману видеть во мне воплощение соглашательства, которое столько лет маскировалось под независимость.

Так что теперь мне тоже остается только шутить. Правда, я постараюсь никого не оскорблять и в том опять-таки останусь соглашателем до конца своих дней.

Фото А. КАРЗАНОВА.

1994